

шевный переворотъ, пережитый Сквородою съ полученіемъ имъ извѣстія о чумѣ въ Кіевѣ, — въ разсказѣ М. Ковалинскаго связь только хронологическая.

Списокъ литературы, приложенный къ книгѣ, поражаетъ своею неполнотою. Даже въ «краткой» библиографіи нѣкоторыя работы по слѣднихъ лѣтъ (Д. Багалій, В. Петровъ) заслуживали упоминанія. Книга Эрн (1912) — послѣдняя изъ названныхъ. Отмѣтимъ, какъ курьезъ, что авторъ ввелъ свою библиографію въ заблужденіе рецензента «Возрожденія» П. Рысса, который и распространился о ничтожномъ количествѣ работъ, посвященныхъ Сквородѣ (въ дѣйствительности ихъ сейчасъ навѣрное не меньше 250).

Пожелаемъ успѣха брошюрѣ г-ра Бобринскаго, но пожалѣемъ, что она возвращаетъ насъ на 20 лѣтъ назадъ, къ прекрасной, но уже устарѣвшей книгѣ Эрн.

Д-м. Чижевскій.

Russian Schools and Universities in the World War. Изъ серіи *Economic and Social History of the World War.* New Haven: Yale University Press. The Carnegie Endowment for International Peace. 1929. Стр. 239.

Этотъ новый томъ извѣстной серіи, публикуемой Институтомъ Карнеги, содержитъ въ себѣ двѣ работы: Д. М. Одицца о положеніи средняго и начатнаго образованія въ Россіи во время войны (стр. 1 - 129) и П. И. Новгородцева о положеніи высшей школы (стр. 130-239). Графъ П. Игнатьевъ, школьной реформѣ котораго оба автора естественно отводятъ центральное мѣсто въ своихъ очеркахъ, написалъ краткое (стр. XVII - XXV) введеніе ко всему тому, ярко характеризующее педагогическія намѣренія реформы, на симпатіи къ которой объединилось все русское общество въ эпоху, когда общія дѣятельность правительства вызывала къ себѣ столь же единодушное отрицаніе.

Совершенно правильно говоритъ графъ Игнатьевъ: «годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, останутся въ исторіи, какъ эпоха исключительнаго прогресса Россіи въ социальномъ и экономическомъ отношеніи». Безспорно, что въ области народнаго образованія прогрессъ этотъ былъ особенно значителенъ, открывая собою «новую эру въ исторіи русской школы». Пожалуй, можно даже сказать, что «волна энтузіазма заливала всю страну, земства, Думу», даже и правительственные круги (примѣромъ чего служить самъ г-р. Игнатьевъ), хотя врядъ ли она захлестывала такъ же и правительство, какъ это онъ, явно преувеличивая, замѣчаетъ.

По крайней мѣрѣ очеркъ Д. М. Одицца какъ бы специально посвященъ характеристикѣ «парализующей школьной политики правительства въ десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ». Вся первая глава его съ жгучей настойчивостью напоминаетъ русскому читателю печальную дѣятельность Министерства народнаго просвѣщенія въ эти

рѣшающіе годы русской исторіи, уже вытѣсненную сейчасъ изъ нашей памяти послѣдующими страшными событіями. Д. М. Одинецъ показываетъ, какъ тормозило правительство школьное законодательство Думы, направленное на введеніе всеобщаго обязательнаго обученія, какъ въ борьбѣ за послѣднее противъ правительства и Гос. Совѣта объединились всѣ круги общества, въ томъ числѣ и представители правыхъ политическихъ партій (Е. Ковалевскій и Крупенскій). Подробно описываетъ онъ и безчисленныя препятствія, которыя центральная власть ставила земствамъ въ ихъ усиліяхъ повысить количество и качество школьной сѣти, роковыя послѣдствія обрусительной политики на окраинахъ, стѣсненіе частной инициативы въ области средней школы, безуспѣшную, но вызвавшую всеобщее раздраженіе попытку возобновленія министерствомъ Кассо Деляновской классовой политики въ школахъ, наконецъ — печальной памяти процентную норму для евреевъ, на вредныя послѣдствія которой неоднократно указывали правительству представители самой власти. Все это, увы, полностью соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и не намъ защищать школьную политику царскаго режима. Русскому читателю, который въ поискахъ виновниковъ побѣды большевизма слишкомъ часто останавливается то на Керенскомъ, то на Милюковѣ и почему то не идетъ далѣе назадъ къ Ковалевскому и Крупенскому или, наконецъ... къ Кассо, напомнить всѣ эти недавніе факты русской исторіи безусловно полезно. Но для иностраннаго читателя, склоннаго несправедливо отождествлять современную Россію съ совѣтской властью и дореволюционную Россію съ царскимъ самодержавіемъ, думается, полезно было бы также указать на тотъ объективный громадный прогрессъ, который Россія совершила въ области народнаго образованія за десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ, совершила благодаря дружнымъ усиліямъ всего общества — вопреки парализующей политикѣ Министерства народнаго просвѣщенія. Д. М. Одинецъ указываетъ на этотъ прогрессъ, но, къ сожалѣнію, характеризуетъ его слишкомъ суммарно и односторонне, останавливаясь преимущественно на частной инициативѣ и не касаясь дѣятельности земствъ и городовъ.

Превосходно охарактеризовавъ вліяніе міровой войны на начальную и среднюю школу и новую школьную политику графа П. Игнатъева, Д. М. Одинецъ опять таки слишкомъ кратко останавливается на школьной политикѣ Временнаго Правительства. Совершенно вѣрно, что «ни Мануйловъ ни Ольденбургъ не имѣли авторитета», но безспорно также, что именно они осуществили цѣлый рядъ мѣропріятій, намѣченныхъ всеобщейся пользовавшейся сочувствіемъ политикой графа Игнатъева или изъ нея вытекавшихъ (введеніе системы единой школы, расширеніе полномочій земствъ за счетъ учебныхъ округовъ, отдѣльныя школы отъ церкви и т. д.) и опредѣлившихъ жизнь школы въ годы гражданской войны въ областяхъ, не занятыхъ совѣтской властью и даже отпавшихъ отъ Россіи (Латвія, Эстонія).

Очеркъ П. И. Новгородцева о русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ есть послѣдняя работа покойнаго мыслителя, бывшаго од-

нимъ изъ самыхъ яркихъ представителей и блюстителей русской академической традиціи. Уже поэтому, какъ всегда, мастерски написанная характеристика П. И. Новгородцевымъ русскаго университета и русскаго студенчества въ одинъ изъ самыхъ критическихъ періодовъ ихъ исторіи представляетъ выдающійся интересъ. Интересъ этотъ усугубляется тѣмъ, что авторъ, стоявшій въ центрѣ русской академической жизни, сообщаетъ множество фактовъ, доселѣ вообще не отмѣченныхъ въ печати. И онъ подробно останавливается на печальной университетской политикѣ правительства (Столыпина и Кассо), не щадя ея въ своемъ изложеніи. Очень интересна характеристика отношенія русскаго ученаго міра къ мировой войнѣ. Въ ней выразилось, по мнѣнію автора, критическое отношеніе къ европейской культурѣ, впервые высказанное славянофилами. «Русскіе ученые первые предвидѣли надвигающуюся катастрофу и первые также дали ясное выраженіе своему предвидѣнію». Подробно также излагаетъ П. Новгородцевъ участіе университетовъ въ оборонѣ страны и яркими штрихами рисуетъ смѣну настроеній студенчества за годы войны. Къ сожалѣнію, однако, въ очеркѣ, предназначенномъ для иностраннаго читателя, уже слишкомъ кратка характеристика внутренней организціи, учебной стороны и правового положенія русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также совершенно отсутствуетъ точный цифровой матеріалъ (число высшихъ учебныхъ заведеній и студентовъ, бюджеты частныхъ высш. учебныхъ заведеній, число кафедръ, преподавательскаго персонала и т. п.), безъ котораго иностранному читателю трудно составить себѣ понятіе объ университетской жизни въ Россіи и представить себѣ процессъ ея безспорнаго роста за десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ. Обстоятельства, въ которыхъ П. И. Новгородцеву приходилось работать надъ очеркомъ, въ достаточной мѣрѣ оправдываютъ этотъ недостатокъ.

Въ общемъ превосходный переводъ съ рукописей грѣшитъ, однако, рядомъ досадныхъ упущеній. Терминъ «единая школа» переводится упорно «uniform school» (вмѣсто unified school system), что врядъ ли способно объяснить въ глазахъ англійскаго читателя притягательность этой идеи для русскаго общественнаго мнѣнія. Врядъ ли удачно переводить «высшее начальное училище — *super primary school*», «попечительный совѣтъ» — *curators' council* въ мѣстѣ, гдѣ рѣчь идетъ какъ разъ объ ослабленіи власти попечителей (*curators*?, стр. 101 сл.). Наконецъ, въ самомъ заглавіи книги П. И. Новгородцевъ досаднымъ образомъ названъ «профессоромъ политической экономіи Московскаго Университета».

С. I. Гессень.